

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170

Оппозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века

Елена Вячеславовна Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия
marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

Рассматривается отражение в современной речевой практике идеи трансформации гуманизма на примере переосмысления фундаментальной оппозиции культуры «человек – машина». В цифровую эпоху граница внутри этой оппозиции размывается: «очеловечивание» программ, алгоритмов происходит параллельно противоположному процессу – «расчеловечиванию» живых людей, что достаточно последовательно отражается в языке. Новизна исследования определяется тем, что в нём впервые выявляются имплицитные способы выражения трансформации отношений между человеком и машиной с помощью антропоморфных и антропоцентрических метафор в художественном и публицистическом дискурсе. Цель исследования – представить устойчивые модели трансформации заявленной оппозиции в современной речевой практике, свидетельствующие о глубинных изменениях в осмыслении гуманизма в цифровую эпоху. Материалом исследования служат тексты современной прозы и публицистики. В качестве основных методов исследования используются лингвистический анализ текста, семантический анализ ключевых лексем, методика установления когнитивной обусловленности языковых процессов. В результате обнаружены устойчиво воспроизводимые в художественной и публицистической речи типы метафор, передающих идею уподобления человека техническому устройству, алгоритму – с одной стороны (антропоморфная метафора), и уподобления алгоритма человеку – с другой (антропоцентрическая метафора). Когнитивные модели, определяющие использование метафоры для переосмысления оппозиции «человек – машина», реализуют перенос «из мира человека в мир техники и IT», а также перенос «из мира техники в мир человека». В последнем случае отмечается актуализация метафоры «кода», вскрывающая одну из главных опасностей доминирования современных технологий (роботизация, искусственный интеллект и т. д.) в традиционных сферах человеческой деятельности: утрата личной свободы, манипулирование сознанием, обесценивание человеческой индивидуальности. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении влияния идеологии «кода» на формирование идей трансгуманизма.

Ключевые слова: человек – машина, цифровая эпоха, трансформация гуманизма, антропоморфная метафора, антропоцентрическая метафора, идеология «кода»

Original article

The Opposition "Man – Machine" in the Language Picture of the World of the 21 Century

Elena V. Marinova

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia
marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

The reflection of the idea of the transformation of humanism in modern speech practice is considered by the example of rethinking the fundamental opposition of the culture "Man – Machine". In the digital era, the boundary within this opposition is blurred: "humanization" of programs and algorithms takes place in parallel with the opposite process – "dehumanization" of live persons, and both processes are quite consistently reflected in the language. The novelty of the research is determined by the fact that for the first time it reveals implicit ways of expressing the transformation of the relationship between man and machine, namely through anthropomorphic and anthropocentric metaphors in the artistic and journalistic discourse. The purpose of the study is to present some stable models of transformation of the declared opposition in modern speech practice, indicating profound changes in the understanding of humanism in the digital age. The research material is modern prose and journalistic texts. The linguistic text analysis, semantic analysis of the key lexemes, and the method of establishing cognitive conditionality of language processes are used as the main research methods. As a result, the types of metaphors conveying the idea of likening a person to a technical device and algorithms, on the one hand (anthropomorphic metaphor), and likening an algorithm to a person, on the other hand (anthropocentric metaphor),

© Маринова Е. В., 2022

which are consistently reproduced in artistic and journalistic speech, are established. Cognitive models defining the use of metaphors for rethinking the opposition “Man – Machine” realize the transfer “from the human world to the world of technology and IT”, as well as the transfer “from the world of technology to the world of man”. In the latter case, the actualization of the metaphor of “code” is noted, revealing one of the main dangers of the dominance of modern technologies (robotization, artificial intelligence, etc.) in traditional spheres of human activity – the loss of personal freedom, manipulation of consciousness, devaluation of human individuality. The author sees the prospects of the research in the further study of the impact of the ideology of “code” on the formation of ideas of transhumanism.

Keywords: Man – Machine, digital era, transformation of humanism, anthropomorphic metaphor, anthropocentric metaphor, ideology of “code”

Введение. Онтологическим последствием новой технологической революции стало своеобразное удвоение мира: наряду с «когда-то единственной» действительностью мы в той или иной мере осознаём по ту сторону экрана нашего технического устройства Другую реальность, в которой живём, общаемся и творим. Это удвоение мира отражается в языке, о чём свидетельствует, прежде всего, формирующаяся на наших глазах полисемия на базе «старых» слов по типу: *почта* – об электронной почте, *папка* – название компьютерной опции и т. д. Таким способом дублируются имена объектов Действительности № 1 для формирования языка новой реальности. Оппозицию «двух» миров задают новые антонимические пары: *реальный – виртуальный, офлайн – онлайн*, при этом сами антонимы имеют общую сочетаемость с довольно широким кругом слов, семантика которых в цифровую эпоху соотносится как с «традиционным миром», так и с миром виртуальным (*офлайн-общение – онлайн-общение, офлайн-сделка – онлайн-сделка, офлайн-обучение – онлайн-обучение* и т. п.).

В языковом сознании человека XXI в. происходит «перенос» номинаций из реального мира в виртуальный, необходимый для обозначения цифровых аналогов объектов реального мира. В частности, заслуживают внимания наименования функций, которые в доцифровую эпоху осуществлялись только людьми: *интернет-брокер, онлайн-переводчик, виртуальный учитель* и т. п. (о программах в Сети). Подобные названия своеобразно отражают идею двойственности современного мира, в котором меняются/смешиваются роли человека и машины, усиливаются «смысловые смещения в массовом восприятии, понимании, интерпретации фундаментальной оппозиции» [1, с. 747], размывается граница внутри неё, а существование живого конкретного человека может быть подвергнуто сомнению (так, на многих сайтах пользователь должен до-

казывать «системе», в роли которой выступает капча-служба, что он не робот). Данному вопросу посвящено наше исследование. Материалом для него послужили тексты более 60 художественных и публицистических произведений современных авторов.

Методология и методы исследования. Выбор источников определялся тематически: текст использовался в качестве материала, если в нём, независимо от жанра и литературного направления, поднималась тема деятельности человека в Сети, занимая в структуре произведения либо главное, либо второстепенное место. Мы обращались преимущественно к отечественным авторам, чтобы представить изменения в картине мира современного человека на примере русского языка.

Перечислим и кратко охарактеризуем основные методы исследования, позволившие сделать некоторые выводы по интересующей нас проблеме. На первом этапе работы (сбор материала) использован **лингвистический анализ** текста, в результате чего получены: а) диагностирующие контексты как иллюстрации употребления лексики IT-сферы для изображения главного предмета литературы – человека (всего свыше 2 500 контекстов методом сплошной выборки); б) наблюдения над образной, метаязыковой и игровой функциями слов IT-сферы, передающих концептуальное отношение автора (рассказчика, героя) к изображаемому – человеку, «живущему» в Сети. Далее применялся **семантический анализ** ключевых лексем, имеющих отношение к оппозиции «человек – машина» в её современном наполнении: в роли «машины» выступает высокотехнологичное устройство (компьютер, смартфон), цифровая технология (интернет, алгоритм, искусственный интеллект и т. д.). Наконец, опираясь на методику выявления **когнитивной обусловленности языковых процессов**, изложенную, в частности, в [2] исследовании зарубежных авторов, устанавливались повторяющие-

ся, устойчивые модели концептуализации представлений о роли человека и машины в цифровую эпоху.

В трудах современных философов, теоретиков сетевой культуры тема поднимается в контексте глобальной проблематики трансформации гуманизма как величайшей идеологии и достижения в эволюции человечества, трансформации традиционных представлений культуры об уникальности человеческой природы, сверхценности человеческой жизни, приоритете личной свободы и личного пространства человека, его индивидуальности [3–8]. Однако в истории человеческой мысли, в трудах Б. Спинозы, Р. Декарта, Г. Лейбница, Ж. Ламерти, Н. Бердяева и других, проблема отношений между человеком и машиной (техникой) рассматривалась традиционно в более широком, антропологическом смысле: от её решения, той или иной интерпретации зависела система взглядов на онтологию человека, его сущностные отличия от природного (человек – животное), божественного (человек – Бог), механистичного (человек – машина)¹. Что касается последней оппозиции, в цифровую эпоху она наполняется новыми смыслами и связями, поскольку техника всё более приближается по своей функции к человеку, его разуму и даже поведению, концепт «машина» соотносят уже с самой природой [10; 11]: новейшая техника, или (по Слотердайку) *гомеотехника*, «кооперируется с природой, а не отрицает её» [12, с. 72].

Идея «подражания» техники человеку получает всё большее подтверждение при обращении к теме искусственного интеллекта (ИИ), замены человека (в его профессиональной деятельности) ботом, в связи с чем поднимаются и обсуждаются проблемы перераспределения ролей в паре «человек – ИИ» с точки зрения субъекта – объекта [13–16], либо, напротив, ставятся вопросы «о возможной теодицеи андроидов», по отношению к которым человек выступает как Создатель, Бог [17]. В любом случае своеобразный симбиоз между техникой и машиной интерпретируется как причина глубинных изменений существования и того, и другого [18], приводящих также и к социальным изменениям в жизни общества [19].

¹ См. например: Федяев Д. М. Машина и машинность // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Лондон; Минск: Панпринт, 1998. – 1064 с. – С. 475–476.

Представления о трансформации отношений внутри оппозиции «человек – машина» последовательно и разнообразно (в речевом плане) отражаются в современной художественной литературе. Причём писатели, как правило, используют имплицитные способы выражения тех идей, которые философы формулируют прямо.

Результаты исследования и их суждение. В ходе исследования установлены устойчиво воспроизводимые в художественной и публицистической речи типы метафор, передающих идею уподобления человека техническому устройству, алгоритму – с одной стороны (*антропоморфная метафора*) и уподобления алгоритма человеку – с другой (*антропоцентрическая метафора*). Когнитивные модели, определяющие использование метафоры для переосмысления оппозиции «человек – машина», реализуют перенос «из мира человека в мир техники и IT» (*Яндекс рассказывает, гугл выдал, умница Вики, интернет-обманщик* и т. п.), а также перенос «из мира техники – в мир человека» (*ассемблер души, взломать мировоззрение, жизнь как испорченный файл*). В последнем случае отмечается актуализация метафоры «кода», вскрывающая одну из главных опасностей доминирования современных технологий в традиционных сферах человеческой деятельности: утрата личной свободы, манипулирование сознанием, обесценивание человеческой индивидуальности.

О своеобразном восприятии Интернета и некоторых его реалий как одушевленного, живого существа свидетельствуют многочисленные метафоры-олицетворения (*Интернет умолкает; сожительство с экранной иллюзией; ДНК соцсетей* и др.); реже – эпитеты (*умница Вики, услужливый фейсбук, скупой на рекламу сайт*). Нередко общий контекст предложения или фрагмента произведения также выражает эту идею, например: *Захотелось под чай послушать [песню] целиком, а не телефонный обрывок. Нашёл в Ютубе. Плэй... Попросил у поисковика перевести на русский* (Д. Глуховский «Текст», 2017).

Признаки и действия живого существа приписываются, во-первых, самому Интернету и его «ипостаси» – Сети; во-вторых, – различным интернет-услугам и программам. Так, объектом персонификации становятся поисковые системы, социальные сети, мес-

сенджеры; программное обеспечение (браузер и др.), места расположения контента (сайт, страница) и т. п. – всё то, с чем пользователь непосредственно имеет дело, подключаясь к интернету. При этом выражается отношение персонажа/рассказчика к этому феномену – либо вполне нейтральное или даже одобрительное и восхищённое, либо отрицательное или как минимум осторожное. В первом случае (нейтральная или положительная оценка) Интернет в сознании героя представляется, судя по семантике и коннотации тропов, *собеседником, помощником, проводником, экспертом*¹:

– «собеседник»: *Вообще-то у меня есть такая привычка – временами **обращаться к интернету** с дурацкими вопросами* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *Я же отправился к компьютеру, чтобы узнать, что **думает** по этому поводу Яндекс* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *Желающие узнать, что **говорит** Яндекс, могут повторить мои поиски по ключевым словам...* (Там же); *«Согласен с мнением моей жены», – **говорит** страница Валерия* (Т. Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017); *Вот бы судьбу можно было так **простраивать**: в точку А **вбить** текущую позицию, в точку Б – к чему хотел бы прийти. И Яндекс тебе **рассказывает**...* (Д. Глуховский «Текст», 2017);

– «помощник, проводник, эксперт»: *Интернет сам **вёл** его от одного слова к другому, **выдавал** адреса, **тыкал пальцем**. Если сам чего-то не **знал**, то тактично **умолкал** или упорно, до тошноты **показывал** одни и те же сайты* (О. Токарчук «Бегуны», 2018); *Ссылка **вела** на закрытую страничку* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *Ссылка **вывела** Глеба на какой-то русскоязычный туристический сайт* (Там же); *Умница Вики точно и с блеском **вписывает** контент в контекст* (Там же); *Реальность – это то, что вы **считаете** реальностью. А что **считает** реальностью, вам **подсказывает** «ДиКСи»* (портал. – Е. М.), *поставщик информации о мире* (Там же); *Сеть **щедро поделится** ссылками на на-*

¹ В зарубежной публицистике встречается образ «оракула». См.: Левин Я. Интернет как оружие. Что скрывают Google, Тог и ЦРУ / пер. с англ. М. Леонович, Е. Напреенко. – М.: Индивидуум, 2019. – С. 188; Николс Т. Смерть экспертизы. Как Интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – С. 178; см. также: [3, с. 83]. В сознании «простого» пользователя интернет – друг, товарищ [20, с. 82].

учные журналы (Т. Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017); *Интересно здесь не то, что **услужливый** фейсбук **вспоминает** (выбирает, что вспомнить и что забыть) вместо меня...* (М. Степанова «Памяти памяти», 2018).

Отрицательное отношение к Интернету, в том числе настороженное, связано с представлением о нём как о недобросовестном исполнителе (плохом помощнике), обманщике:

– «недобросовестный, некомпетентный исполнитель»: *На этот раз искалка опять **ошиблась**. Поняв, на чём **ошибается** здешняя поисковая система, я уже мог предсказать, что в следующих новостях она тоже **обманулась*** (Мерси Шелли (Алексей Андреев) «Паутина», 2002); *Искалка **выдала** мне всякую ерунду* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *Немного пошуршав, поисковик **выбрасывает** около полутора тысяч ссылок на документы, содержащие слово «Симба»* (Там же); *Но разве ж Яндекс **скажет**? Ничего Инет ей не **сказал*** (Н. Балашов «Zelda», 2010); *...делаю поиск по словам «Кавказ» и «тур». В смысле, «маршрут», «поход». А гугл **выдал** животное* (В. Пелевин «Иакинф», 2019)²;

– «обманщик»: *...Сеть была ещё не столь **искусна**, чтобы **обмануть** меня* (М. Шелли «Паутина», 2002); *Приложения **давили на жалость**, **притворялись** умирающими тамагочи* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Ссылка **сбросила** нас туда – и **дезактивировалась*** (А. Иванов «Комьюнити», 2012). См. также: предикативная метафора, прямо выражающая отношение к интернету и его «реальности»: *Интернет – **обманщик**. ...не более чем **приманка*** (О. Токарчук «Бегуны», 2018).

В том же персонифицированном ключе осмысливается иногда экран компьютера, служащий метонимической заменой Сети. Например: *Кто он (лечащий доктор. – Е. М.) такой, чтобы спорить со **светящимся** экраном, который **ответит** на ваш вопрос меньше, чем за секунду?*³ В философских исследованиях экран интерпретируется

² В одном из эссе У. Эко сравнивает Интернет с героем рассказа Борхеса «Фунес памятливым», который всё помнит, но, как пишет Эко, «полный идиот»: Интернет подобен Фунесу... не способен отбирать и выбирать ненужное [9].

³ Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платоновой. – М.: Эксмо, 2019. – С. 171.

как «поверхность», до которой редуцируется реальность; граница двух миров; рама, через которую мы общаемся со «сверхчувственной виртуальной вселенной» [4]. Одна из глав аналитической книги об Интернете А. Барикко «Игра» так и называется «Поверхность»: *Глаза устремлены на экран... основное, главное выступает на поверхность, а всё остальное поглощается, пропадает в каком-то невидимом не-месте* [3, с. 162].

Следует обратить внимание на то, что ряд метафор-олицетворений имеют узальный характер и существуют в сознании носителей языка как естественный речевой образ. Так, во фразе *Окошко снова молчит, не обновляется* (Д. Бавильский «Нодельма», 2004) глагол использован в своём вторичном значении, зафиксированном словарями («не действовать, не работать, не издавать никаких звуков»¹). Однако новым (или во всяком случае непривычным) оказывается сочетаемость: в НКРЯ² фраза *окошко молчит* не обнаружена. Однако именно в таких стёртых, **языковых метафорах** и закрепляется «привычка к персонификации» [21, с. 201] окружающего мира, так называемый антропоморфный взгляд на предметы, на бытие.

В то же время персонификация может быть **намеренным приёмом** автора. Например, та же языковая метафора во фразе: *Машина* (о компьютере. – Е. М.) *не хочет со мной сотрудничать, она чётко знает, что должна получить пароль, пароля нет, поэтому она молчит* (У. Эко «Маятник Фуко», 1988) встраивается уже в цельную картину своеобразного поединка человека и машины, диалога между ними (см. далее: *Как будто говорит мне: «Подумай только, всё, что ты хочешь знать, находится здесь, в моём нутре, но ты рой, рой, старый крот, всё равно ничего не получишь»*). Как пишет С. Жижек в статье «Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия», «понимание того, что человек обладает рядом свойств, недоступных для компьютера (вдохновение, тревога и т. п.), позволяет относиться к компьютеру как “живому и думающему партнёру”, поскольку мы знаем, что это только игра, ведь на самом деле компьютер не таков» [4].

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

В нашем материале приём персонификации организует как отдельные фрагменты разных текстов³, так и целые произведения, в которых признаки живого существа приписываются какому-либо гаджету. Так, выход из строя технического устройства ассоциируется со смертью: *Она достала мобильник и поняла, что тот безвозвратно мёртв. Лишённая души тушка, комочком мёртвой плоти лежащая на ладони* (А. Матвеев «Третий знак киберкалипсиса», 2004); *...Кеша положил пискнувший очередной смертью айфончик на стол, встал и открыл окно* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014») – или серьёзной болезнью, напр., в «черепе» компьютера, как в рассказе В. Пелевина «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR» (1996): *...под пластмассовым черепом компьютера уже случилось несколько обширных электронных инсультов*. Один из героев рассказа, мэр города Петроплавовского Ванюков *рассматривал свой компьютер как вполне одушевлённое существо*. Такое отношение к компьютеру, «сумасшедшему», по мнению Ванюкова, и обыгрывается писателем по ходу сюжета.

В романе А. Матвеева «Любовь для начинающих пользователей» также отчётливо сформулирована мысль о том, что компьютер для героев – живое существо, обитатель дома, который может *жить своей жизнью*. Они постоянно отслеживают «эмоциональное» состояние компьютера, проводя время за поиском важной для них информации: *Скорее всего, в письме содержался вирус, и компьютеру это не понравилось... Компьютер заворчал громче, будто ему делали больно, а он сопротивлялся. Или терпел...; Письмо болталось на экране, письмо, вызвавшее ревность компьютера*. Героиня книги Симба задаётся вопросом: *Есть ли у компьютера сердце?* А сам автор, обыгрывая термин информатики *память*, пишет и о сердце: *...элемент на экране бесследно исчезает... не только с экрана – из памяти компьютера, из его сердца*.

Вполне правдоподобно выглядит диалог Симбы со своим компьютером (в науч-

³ См., например: *У них был когда-то старенький компьютер, и когда он перегревался, то выключался сам. И минут двадцать его невозможно было запустить. Стоял и не реагировал... Мама сначала ругалась, а потом стала относиться к нему как к живому, соглашалась: «Да-да, отдохни, старичок»* (Р. Сенчин «Что вы хотите?», 2013).

ной литературе анализировались как подобные диалоги, так и сами причины, побуждающие человека к общению с «молчащими объектами» [22; 23]): *Симба посмотрела на приаттаченный файл и решила его открыть. – Может, не надо? – спросил компьютер.*

Итак, авторы передают образными средствами то, что происходит с нами в действительности, когда наше постоянное обращение к компьютерной технике и виртуальному миру создаёт иллюзию существования чего-то живого по ту сторону экрана. «Между человеком и машиной заключается мир, то, что было искусственным, окончательно становится природным, естественным, натуральным. Что-то размылось, и с каким-то невиданным благоволением машины склонились к тому, чтобы стать продолжением человеческого духа и тела» [3, с. 144]. Очевидно, с этим представлением и связано использование антропоморфной метафоры.

Ещё одним типом метафоры, имеющей отношение к интерпретации оппозиции «человек – машина», является антропоцентрическая метафора¹. Её объектами становятся: внешний вид человека, включая анатомические особенности; духовная и эмоциональная сфера; процесс жизни с момента рождения и, наконец, сам человек как феномен земной цивилизации и «продукт» цивилизации современной. Так, о мозге человека авторы пишут: *Мозг человека – лучший компьютер* (М. Шелли «Паутина», 2002); *...так уж был устроен проклятый человеческий мозг. Этот перелатанный биокомпьютер...* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Обычно ярость прочищала Симбе мозги, и они начинали шуршать со скоростью последнего «Пентiums»* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *...среди внутримозговых приложений не осталось ни одной левой софтинки, и все большие жизненные выборы давно сделаны за них* (современных девушек. – Е. М.) *этим самым смартфоном...* (В. Пелевин «Искусство лёгких касаний», 2019)². См. также – о крови:

¹ Понятие антропоцентрической метафоры обобщается Г. Н. Склярской [24, с. 108–109].

² Метафора *компьютер* (о голове человека, мозге) бытует и в разговорной речи, что фиксируется словарями. См.: «Компьютер болит. Включи компьютер – подумай, задумайся, пошевели мозгами» (Вальтер Х. и др. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М.: ИТИ Технологии, 2004. 416 с.). Мета-

Грубая аналогия – это удалённый сетевой доступ (В. Пелевин «Бэтман Аполло», 2013); *о руках: У городских гаджеты вместо рук* (о неспособности заниматься физическим трудом) (А. Синяев «Взломанный. (Блог Экста)», 2018); *о душе: Ассемблер чужой души при близком рассмотрении редко выглядит привлекательно* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *о сознании: ...на главный диск у себя в голове, который не поменять до смерти, человек доверчиво ставит что попало* (В. Пелевин «iPhuck 10», 2017); *...более удачливые предшественники навсегда хакнули их головы* (о критиках. – Е. М.) (Там же); *Неужели... это «тёмная сторона» моего Робина* (сетевое имя рассказчика. – Е. М.), *который взламывал и декодировал мировоззрение других людей?* (М. Шелли «Паутина», 2002); *Вероломство* (о предательстве. – Е. М.) – *это когда тебя по-настоящему взломали, как ломают хакеры защищённый аккаунт* (Т. Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017). Ср. также: «Мы живём в эпоху взлома человека» [8, с. 323].

С помощью антропоцентрической метафоры может передаваться эмоциональное состояние человека: *Я завис между словом и делом, как зависает между командами старая Винда* (Т. Шахматова «Удар отточенным пером», 2017); *У двух разных пользователей адреса одинаковые... И машина сообщает: конфликт адресов. У меня в мозгах сейчас именно такой конфликт* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); изображаются его улыбка, смех: *Вверху смайл...* (В. Пелевин «Шлем ужаса...», 2005); *За столом раздался электронный смех; ...электронно засмеялся Кедаев* (В. Пелевин «Бэтман Аполло», 2013). Этим же способом может выражаться общее впечатление о человеке, см.: *На той презентации Джобс был высушен онкологией, выглядел оцифрованным* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *...Встречался бы с какой-нибудь девушкой – поджарой, стрижка каре, загар, а там, где люди крестик вешают, кью-ар код* (Д. Глуховский «Текст», 2017).

Вот таким предстаёт обобщённый портрет Человека, если собрать воедино отдельные штрихи. Вместо рук – гаджеты,

фора, по-видимому, универсальная; ср.: *Машина ли я (действует ли мой мозг, как компьютер), или живое человеческое существо (с искрой духа или чего-то другого, несводимого к сетевому окружению)* [4].

вместо крестика – кью-ар-код, улыбка на лице интерпретируется как графический значок электронной речи, под кожей – компьютерный интерфейс¹.

Человеку приписываются черты технических устройств. По сути, эта идея изначально постулировалась теоретиками кибернетической науки. Так, её основоположник Н. Винер в трактате «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948) исходит из того, что люди, как и всякие живые существа, являются машинами, обрабатывающими информацию. Цитируя Винера и комментируя это положение, Я. Левин, автор книги «Интернет как оружие», пишет: «Все мы – компьютеры, чрезвычайно сложные, но всё же компьютеры»².

Если человек – устройство, значит, устройство можно взломать, «хакнуть». Как пишет автор «Критической теории интернета», «нас всех перезапустили» [25, с. 19]. Грубое вмешательство в сознание личности, манипулирование, видимость свободы и воли человека – эти, всегда интересовавшие писателей и учёных идеи в эпоху интернета реализуются с помощью метафоры кода, программирования, «цифры». Отсюда такие образы, как *ассемблер души, логины и пароли крови, декодирование мировоззрения, оцифрованный* (о человеке), *цифровой* (герой одноимённого романа М. и С. Дяченко). См. также: *...гуру-технофилы и футурологи Кремниевой долины уже выдвинулись в крестовый поход против неприятных багов человеческой природы в надежде найти целительный патч* [7].

Из субъекта, индивида человек превращается в объект – набор кодов, которым можно управлять помимо воли самого носителя. Идеология кода, на которой выстраивается фундамент цифровой культуры, распространяется и на понимание человека. См.: *Все эти люди, свёрнутые в строчки цифр и букв, превращённые в несколько байт архиватором. Где они все, почему я так давно не пользовался этими кодами, открывающими целые миры?* (М. Шелли «Паутина», 2002); *Человек ведь тоже приходит... просто как информационный сле-*

¹ Подобная образность встречается иногда и в современной публицистике: *Социальные сети – мощная вещь!.. Тут людям давно вместо мозгов достались лайки и вместо реальной доброты – перепосты* (Мальцев И. Театр не закрывается // Известия. 2014. 2 марта).

² Левин Я. Интернет как оружие – М.: Индивидуум паблишинг, 2019. – 360 с. – С. 69.

пок, то есть двусторонний поток кода... (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *...мы все – совокупность сигналов и метадаты* (Там же); *...он* (Кеша. – Е. М.) *просто завиток кода* (Там же); *Есть только скрипты, послушно отрабатывающие одну строчку кода за другой* (о людях; там же). В этом же ключе интерпретируются рождение человека, его существование, судьба, смерть. Ср.: *Человек рождается чистой флешкой* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); [После смерти] *мы оставляем за собой пенный след метадаты* (Там же); *Арсена убили – он возродился. Жизнь – испорченный файл* (М. и С. Дяченко «Цифровой», 2009); *Судьба – сюжет, а её смысл – гипертекст* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *Электронные импульсы, проносящиеся по полупроводниковому миру, определяют человеческую судьбу* (В. Пелевин «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR», 1996).

В творчестве некоторых писателей, прежде всего В. Пелевина, идея программируемого сознания, в которое, как на флешку или диск, можно закидывать любой требующийся «системе» контент, последовательно воплощается во множестве сходных словесных образов на базе глаголов *закачать, прокачать* и т. д. Например: *Каждый день через тебя прокачивают контекстную рекламу... затаённая ненависть к системе – тоже часть прокачиваемого контента* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *...тебя самого закачивают по проводам вместе с контекстной рекламой* (Там же); *...в неё* (голову. – Е. М.) *закачивают софт, который немедленно начинает участвовать в каждой вашей «встрече с бытием»*. *И, закачав это софт, назад вы его уже не откачаете* (В. Пелевин «iPhuck 10», 2017); *...весь мейнстримный софт – ...инструмент власти истеблишмента, закачанный вам под кожу. То есть даже не закачанный, нет. Доверчиво установленный вами* (Там же).

Образ современного человека, несомненно, вызывает у писателей опасение: погружение в виртуальный мир, зависимость как от него, так и от модных гаджетов, неспособность ценить «реал» – эти качества героя-пользователя получают в литературных произведениях, особенно в антиутопиях и социальной фантастике, отчётливо негативную оценку, реализуемую в резких,

неожиданных метафорах: *Человек – это его айфон* (А. Иванов «Комьюнити», 2012) – ср. название книги Д. Ланира «Вы не гаджет» (2009); *После миллениума нет человека, есть сумма ресурсов и технологий* (Там же); *Мы сами и есть инстаграм и фейсбук, ...куда путешествуют высшие и непостижимые для нас сущности* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Юзеры... сгустились вдруг в длинные хвосты тредов...* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *У меня дома две приставки, подумал он* (Арсен о родителях. – Е. М.) *с ужасом. К телевизору и ноутбуку* (М. и С. Дяченко «Цифровой», 2009) и др.

Заключение. Взаимодействие человека с компьютером (или другим высокотехнологичным гаджетом) как новая и весьма своеобразная коммуникативная практика личности в современном мире всё чаще становится предметом художественного изображения. С помощью антропоморфной метафоры (модель переноса человек → компьютер) передаются идея «очеловечивания» технических устройств, иллюзия существования какой-то особой, живой силы по ту сторону экрана. Напротив, идея уподобления человека машине создаётся на основе антропоцентрической метафоры (модель компьютер → человек), что позволяет обозначить характерные для информационного общества негативные явления: манипуляция сознанием, отсутствие критического

мышления по отношению к информации, социальный инфантилизм.

Таким образом, в языковой картине мира постепенно закрепляется результат переосмысления оппозиции «человек – машина» в цифровую эпоху. Наглядно это переосмысление можно представить так: вместо традиционного разделителя VS., между членами оппозиции можно поставить знак подобия (~). При этом формула читается одинаково в любом направлении. Сможет ли человечество отстоять своё уникальное место в системе ценностных координат или процесс девальвации понятия «человек» ещё более активизируется в условиях нарастающего интереса к роботизации и технологиям искусственного интеллекта? Исследование показывает, что язык пока не даёт ответы на эти вопросы, но в виде вполне отчётливых сочетаемостных смещений типа *компьютер молчит – сознание взломано, сердце компьютера – ассемблер души* констатирует тенденцию к трансформации представлений как о гуманности, так и о машинности. Поэтому перспективы дальнейшего изучения темы видятся нам, во-первых, в расширении круга источников (спонтанные высказывания, научный дискурс), во-вторых, в исследовании влияния идеологии «кода» как ведущей идеологии цифровой эпохи на традиционные идеи гуманизма и отражения этого влияния в языке.

Список литературы

1. Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2020. Т. 11, № 4. С. 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 275 p.
3. Барикко А. *Игра*. М.: КоЛибри, 2019. 352 с.
4. Жижек С. Киберпространство, или Невыразимая замкнутость бытия. № 1. Текст: электронный // Искусство кино. 1998. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Lovink G. *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*. Cambridge and Malden: Polity, 2016. 183 p.
6. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. М.: АСТ, 2014. 528 с.
7. Морозов Е. Техноненависть: как интернет отучил нас думать. М.: Common place, 2014. 116 с.
8. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
9. Эко У. *Заклятие Сатаны. Хроники текучего общества*. М.: АСТ, 2018. 704 с.
10. Mazi G. *Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries*. Albany. New York: SUNY Press, 2008. 274 p.
11. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть. Диалогические исследования. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
12. Ростова Н. Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 68–75. DOI: 10.17223/15617793/446/9.
13. Шевцова Г. А., Батищев С. А. Искусственный интеллект: системная машина или эквивалент биологической системы // *Машины. Люди. Ценности: Когнитивные и социокультурные системы в потоке вре-*

мени: материалы II Междунар. науч. конф. памяти С. М. Шалютина (22–23 апр. 2021 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2021. С. 101–103.

14. Ромащенко А. А. Человек-машина и эффект отложенной смерти в европейской культуре // Машины. Люди. Ценности: Когнитивные и социокультурные системы в потоке времени: материалы II Междунар. науч. конф. памяти С. М. Шалютина (22–23 апр. 2021 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2021. С. 160–162.

15. Rajani S. Artificial Intelligence – Man or Machine // International Journal of Technology and Knowledge Management. 2011. No. 4. Pp. 173–176.

16. Commerford B., Dennis S., Joe J. and Ulla J. Man versus machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence // Journal of Accounting Research. 2022. No. 60. Pp. 171–201.

17. Спяницкая А. С. О возможности теодицеи андроидов // Машины. Люди. Ценности: Когнитивные и социокультурные системы в потоке времени: материалы II Междунар. науч. конф. памяти С. М. Шалютина (22–23 апр. 2021 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2021. С. 168–170.

18. Hancock P. Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis. Farnham, England/Burlington, VT: Ashgate, 2009. 184 p. DOI: 10.1201/9781315248905.

19. Brinns R. Fairness in Machine Learning: Lessons from Political Philosophy // Conference on Fairness, Accountability and Transparency. New York, 2018. Pp. 149–159.

20. Какорина Е. В. Интернет через зеркало метафоры // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil. / В. Tošović, A. Wonisch (Hg./ur.). Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. Pp. 65–87.

21. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука, 2019. 400 с.

22. Филиппович Ю. Н., Родионов Е. В., Черкасова Г. А. Языковые средства диалога человека с ЭВМ. М.: Высшая школа, 1990. 159 с.

23. Занадворова А. В. Коммуникативные неудачи при общении с компьютером // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М.: ИРЯ РАН, 2003. 452 с. С. 423–426.

24. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.

25. Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М.: Ад Маргинем, 2019. 304 с.

Сведения об авторе

Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук; Нижегородский государственный лингвистический университет; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: marinova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>.

Для цитирования

Маринова Е. В. Опозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

References

1. Volkov, V. V. Artificial "Intelligence" and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguamental Aspects). RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, no. 11, pp. 745–759, 2020. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-760-774 (In Rus.).

2. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. (In Engl.)

3. Baricco, A. The Game. M: KoLibri, 2019. (In Rus.)

4. Zizek, S. Cyberspace, or the Unbearable Isolation of Being. Kino art, no. 1. Web. 20.03.2022. <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (In Rus.)

5. Lovink, G. Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation, Cambridge and Malden: Polity, 2016. (In Engl.)

6. Morozov, E. The Internet as an Illusion. The Reverse Side of the Network. M: AST, 2014. (In Rus.)

7. Morozov, E. Techno Hate: How the Internet Has Weaned Us from Thinking. M: Common place, 2014. (In Rus.)

8. Harari, Yu. N. 21 Lessons for the 21st Century. M.: Sindbad, 2019. (In Rus.)

9. Eco, U. The Curse of Satan. Chronicles of the Fluid Society. M: AST, 2018. (In Rus.)

10. Mazis, G. Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries. Albany, NY: SUNY Press, 2008. (In Engl.)

11. Sloterdijk, P., Haynrihs, G.-Yu. The Sun and Death. Dialogical research. SPb: Ivan Limbakh Press, 2015. (In Rus.)

12. Rostova, N. N. The Human at the Border of the Animal World. Tomsk State University Journal, no. 446, pp. 68–75, 2019. (In Rus.) DOI: 10.17223/15617793/446/9.
13. Shevtsova, G. A., Batishchev, S. A. Artificial Intelligence: System Machine or the Equivalent of Biological System. Machines. People. Values. Cognitive and Socio-Cultural Systems in the Flow of Time. Proceedings II International Scientific Conference. Kurgan: 22–23 April 2021: 101–103. (In Rus.)
14. Romashchenko, A. A. Man-Machine and the Effect of Delayed Death in European Culture. Machines. People. Values. Cognitive and Socio-Cultural Systems in the Flow of Time, Proceedings II International Scientific Conference. Kurgan: 22–23 April 2021: 160–162. (In Rus.)
15. Rajani S. Artificial Intelligence – Man or Machine. International Journal of Technology and Knowledge Management, no. 4, pp. 173–176, 2011.
16. Commerford B., Dennis S., Joe J., and Ulla J. Man versus machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence. Journal of Accounting Research, no. 60, pp. 171–201, 2020.
17. Spyatnitskaya, A. S. About the Possibility of the Android's Theodicy. Machines. People. Values. Cognitive and Socio-Cultural Systems in the Flow of Time, Proceedings II International Scientific Conference. Kurgan: 22–23 April 2021: 168–170. (In Rus.)
18. Hancock, P. Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis. Farnham, England/Burlington, VT: Ashgate, 2009. DOI: 10.1201/9781315248905. (In Engl.)
19. Brinns, R. Fairness in Machine Learning: Lessons from Political Philosophy. Conference on Fairness, Accountability and Transparency, 2018: 149–159. (In Engl.)
20. Kakorina, E. V. The Internet through the Mirror of Metaphor. The Interaction of the Internet and Stylistics, the Internet and Style. Toshovich, B., Wonisch A. (Ed.). Graz: Institut Slavistiki Grazkogo universiteta Karla Frantsensa, 2016: 65–78. (In Rus.)
21. Huizinga, J. Homo ludens. SPb: Azbuka. 2019. (In Rus.)
22. Filippovich, Yu. N., Rodionov, E. V. Language Means of Human-Computer Dialogue. M: Vysshaya shkola, 1990. (In Rus.)
23. Znadvorova, A. V. Communication Failures during Communicating with a Computer. Rusistika na poroge XXI veka, Proceedings of the International Scientific Conference. M: IRY RAN, 2003: 423–426. (In Rus.)
24. Sklyarevskaya, G. N. The Metaphors in the System of Language. SPb: Philological Faculty of SPbGU, 2004. (In Rus.)
25. Lovink, G. Critical Theory of the Internet. M: Ad Marginem. (In Rus.)

Information about author

Marinova Elena V., Doctor of Philology; Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov; 31a Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; e-mail: marinova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>.

For citation

Marinova E. V. The Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21 Century // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 2. PP. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170.

Received: April 11, 2022; approved after reviewing May 13, 2022; accepted for publication May 16, 2022.